

На правах рукописи

Дубовка Дарья Григорьевна

Повседневные дисциплинарные практики и религиозная рефлексия
в православных женских монастырях постсоветской России:
этнографические аспекты

Специальность 07.00.07
Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата наук

Санкт-Петербург
2017

Диссертация выполнена в Отделе этнографии восточных славян и народов Европейской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель:	Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Штырков Сергей Анатольевич
Официальные оппоненты:	Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук Соколовский Сергей Валерьевич кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея Баранов Дмитрий Александрович
Ведущая организация:	Институт русской литературы Российской академии наук

Защита состоится 18 декабря 2017 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан dd ноября 2017 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук М. Е. Резван

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Современные религиозные процессы привлекают все большее внимание как общественности и медиа, так и академического мира. Еще не так давно кажущееся неизбежным наступление века секуляризма сегодня очевидно несостоятельно на фоне роста исламистских движений, протестантских харизматических церквей и сторонников Нью-Эйдж движения. Эти процессы порой описывают как десекуляризацию общества¹, однако они напоминают больше не бинарную оппозицию светского/религиозного, а сложный пазл, смесь разных конкурирующих норм и систем легитимации, где оспариваются господствовавшие секулярные представления о свободном и автономном субъекте и о месте религии исключительно в частной сфере.

В России политика Русской православной церкви (РПЦ) вызывает едва ли не больший резонанс, чем исламская ревитализация. Начиная с 1990-х гг. в прессе публиковалась масса материалов, освещавших споры по поводу передачи дореволюционных церковных зданий, находящихся в собственности музеев, обратно в руки РПЦ и печальные последствия для коллекций, попавших в руки непрофессионалов². Внимание медиа и общественности привлекали многочисленные экономические проекты священнослужителей и отсутствие налогообложения предпринимательской деятельности религиозных организаций³. И, наверное, самый громкий публичный отклик получил закон «Об оскорблении чувств верующих» и так или иначе связанные с ним события, выступление Pussy Riot, деятельность православно-националистической организации Энтео, громящей эпатажные выставки, и дело о ловле покемонов в храме⁴. Большой резонанс вызвали также дебаты вокруг передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви.

Активизация религиозных групп в публичной сфере приводит к росту декларируемо атеистических групп, для которых борьба с тем, что они считают религиозными предрассудками, становится главной деятельностью. В англоязычном мире особенно известно имя Ричарда Докинза, эволюционного биолога, который в своих многочисленных публикациях и фильмах утверждает, что религиозность и критическое мышление несовместимы. В России в силу ряда причин активно пропагандируемый атеизм не так популярен. Однако одной из тенденций секуляризма я бы назвала рост медиа свидетельств о выходе верующих из Церкви (прежде всего РПЦ). Так, например, Интернет-портал Ахилл целиком посвящен выражению сомнений, а нередко и утраты веры клириками РПЦ⁵.

Вышеописанные сложные и зачастую болезненные отношения религиозных групп и светских институций помещают любое научное исследование, которое не пытается относиться ни к религии, ни к секуляризму как к чему-то само собой разумеющемуся, в полемич-

¹ Терминологическую дискуссию о секуляризме, десекуляризме и постсекуляризме см. Узланер Д. А. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/16u.html> [доступно: 09.10.17].

² Каулен М.Е. Музей под сенью храма, храм под сенью музея // Проблемы изучения истории Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев. М., 2005. С. 140-152; Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб., 2010.

³ Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

⁴ Узланер Д.А. Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №2(31). С. 93-133; Панченко А.А. О пользе святотатства, или Pussy Riot глазами антрополога // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 217–227; Штекль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 222–240.

⁵ <http://ahilla.ru>

ный контекст. Эта же полемичность делает подобные исследования крайне актуальными, способными уйти от взаимных обвинений в ненормальности и посмотреть на развитие отношений религиозных и секулярных обществ в исторической перспективе и в динамике.

Данная диссертация подходит к проблеме существования религиозных групп в секулярной среде, основываясь на материалах, собранных в современных православных монастырях в России. Как для прихожан РПЦ, так и для многих индифферентных к религии людей, монашество является квинтэссенцией религиозного образа жизни. Именно христианские монастыри задолго до появления дихотомии верующий/неверующий предложили свое разделение на мир внутри монастырских стен и за его пределами. В эпоху Реформации, согласно М. Веберу, протестанты, восприняв принципы монашеской аскезы и рационализации жизни, пренебрегли этим разделением и стали практиковать аскезу в миру. Еще через какое-то время аскеза и рационализация были избавлены от духовных коннотаций, что послужило началом секуляризма⁶.

Сегодняшние православные монастыри в России в некотором смысле стремятся проделать обратный путь: функционируя уже в постсоветском секулярном контексте они стараются возродить дореволюционную церковную традицию. На территории послевоенной РСФСР все женские монастыри были закрыты, тем, кто взялся восстанавливать обители в 1990-е годы и пытался определить, каким должен быть облик монастыря и его насельниц, пришлось обращаться к обширной христианской литературе (от поучений древнеегипетских пустынножителей до сочинений святых XIX в). Однако эти тексты создавались в совершенно других исторических условиях. Точное следование им сегодня невозможно как из-за изменившегося социально-экономического контекста существования монастырей, так и из-за привычек, норм, установок людей, принимающих монашеский постриг. Среди внешних групп, существенно влияющих на жизнь монастырей, нужно назвать музейные сообщества и местных жителей, которые руководствуются другой нормой восприятия и оценки церковных зданий, а существующая диспозиция власти в стране не гарантирует признание точки зрения представителей РПЦ главенствующей в этих вопросах. Внутри самого монастырского сообщества сложности возникают из-за разного понимания того, какие духовные практики ведут к спасению. С одной стороны сама почти двух тысячелетняя монашеская традиция предлагает очень разные примеры должного иноческого жития, с другой стороны, подавляющее большинство современных монахинь и послушниц родились и социализировались в советское время, то есть представления, касающиеся таких вещей как справедливость, свобода воли субъекта, возможность действовать согласно своим желаниям, были усвоены ими не в святоотеческой системе координат, поэтому их понимание и интерпретация соответствующих текстов может сильно отличаться от оригиналов. Некогерентность советской/святоотеческой систем в нынешних монастырях вызывает множество конфликтов, которые и были в фокусе моей диссертации

Объектом данного исследования являются насельницы монастырей и представители православных примонастырских поселений: монахини, послушницы, трудницы и трудники современных монастырей РПЦ.

Предметом данной диссертации являются практики и идеологии в современных женских монастырях РПЦ, которые применяются для трансформации субъекта в целях его духовного совершенствования.

Цель диссертации состоит в анализе проблемных моментов монастырских техник субъективации в их столкновении с советским/постсоветским опытом людей.

Задачами для решения поставленной цели являются: 1) детальное этнографическое описание нескольких выбранных монастырей; 2) анализ их социальной структуры, экономических практик и властных диспозиций; 3) изучение техник самотрансформации, применяемых в этих монастырях; 4) поиск методологических аналогий для имеющихся кейсов; 5) кри-

⁶ Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. USA: Merchant book, 2013 (1905).

тическое рассмотрение нынешнего теоретического аппарата антропологии религии; б) ревизии антропологических теорий о субъективности/агентности современного религиозного субъекта и поиск новых возможностей концептуализации религиозной субъектности.

Степень изученности темы

Исследований, целиком посвященных православным монастырям в сегодняшней России, немного: это работы И. Забаева и И. Астэр. И. Забаев, опираясь на идеи М. Вебера, рассматривает нынешнюю практику послушания как основной принцип управления монастырским хозяйством. Согласно И. Забаеву через эту практику воспроизводится неизменный монашеский этос⁷. И. Астэр анализирует монашество как социокультурный феномен, который имеет свои стадии развития/становления: от трудовых монастырей к социально ориентированным и к молитвенным⁸. Не этосу, но нарративам, распространенным в современных монастырях, посвящены работы фольклористов М. Ахметовой и А. Тарабукиной⁹.

Православные монастыри других автокефальных Церквей также привлекали внимание исследователей. Например, М. Паганополус написал ряд статей, посвященных разным стратегиям монастырей Афона по включению в современную экономику¹⁰. В фокусе работы Л. Фаджфера тоже афонские монастыри и их отношение к современным технологиям¹¹. Исследовательница сербских монастырей Элис Форбесс фокусируется на коммуникации монахов, почитаемых старцами, с их духовными детьми¹².

Последние десятилетия — начало антропологического изучения и католических монастырей. Р. Лестер в своей книге про мексиканское женское монашество делает важный вывод, что поскольку в мексиканском традиционном обществе гендерные роли строго определены, то практически единственной социально одобряемой возможностью для девушек из малообеспеченных семей получить хорошее образование и посмотреть мир оказывается постриг¹³.

Исследователи западноевропейских католических монастырей большое внимание уделяют современной монастырской экономике, завязанной во многом на экологический туризм¹⁴. Впрочем, есть и более интересные постановки вопросов. С. Палмизано рассматривает как Римско-католическая церковь реагирует на вызовы времени. С. Палмизано анализирует так называемые новые монашеские сообщества, нарушающие иерархическую традицию католических орденов¹⁵.

⁷ Забаев И. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: Социологический анализ. М., 2012

⁸ Астэр И.В. Современное русское православное монашество как социокультурный феномен. Автореф. дис... канд. философ. наук. 2009.

⁹ Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010; Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга. Дисс. ... к.филол.н. ИРЛИ РАН, СПб, 2000. http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html [доступно: 25.08.17].

¹⁰ Paganopoulos M. The Concept of 'Economy' in Two Monasteries of Mount Athos. https://www.academia.edu/2349875/The_Concept_of_Economy_in_Two_Monasteries_of_Mount_Athos [доступно: 25.08.17]; Paganopoulos M. Materializations of Faith on Mount Athos // Material Worlds / (Eds) de Klerk and Moffat. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 122-133.

¹¹ Fajfer L. 2012. The 'Garden of the Virgin Mary' Meets the Twenty-First Century: The Challenge of Technology on Mount Athos // Religion, State, and Society. 2012. No. 40(3-4). P. 349-362.

¹² Forbess A. Paradoxical Paradigms: Moral Reasoning, Inspiration, and Problems of Knowing among Orthodox Christian Monastics // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2015. Vol 21. P. 113-128.

¹³ Lester R. Jesus in Our Wombs: Embodying Modernity in a Mexican Convent. Berkeley: University of California Press, 2005.

¹⁴ Jonveaux I. Redefinition of the Role of Monks in Modern Society: Economy as Monastic Opportunity // Annual Review of the Sociology of Religion. Volume 5: Sociology and Monasticism, Between Innovation and Tradition / Jonveaux I., Palmisano S., Pace E. (eds.). Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 71-86.

¹⁵ Palmisano S. Exploring New Monastic Communities. The (Re)invention of Tradition. Farnham, Surrey, England; Burlington: Ashgate, 2015.

В целом антропологических работ о христианских монастырях сравнительно мало. Связано это и с труднодоступностью поля методами включенного наблюдения и интервью, и с тем, что долгое время социальные исследователи не обращали внимания на религиозные процессы, происходящие не в пост/колониальных странах, а у себя дома¹⁶. Данная диссертация призвана частично восполнить этот пробел в отношении монастырей РПЦ.

Теоретико-методологическая база исследования

Цель моего исследования требовала пристального внимания как к практикам, которые монашествующие считают приближающими их к святости, так и к социально-экономическим условиям, в которых происходит исполнение этих практик. Сложность изучения православных практик самотрансформации в том, что в Церковном Писании и особенно Предании существует собственная разработанная теория субъекта и тех техник, которые он должен использовать, чтобы достичь Царства Небесного. Ряд святоотеческих произведений прямо посвящен дисциплинарным упражнениям тела и ума, необходимым для развития человека в рамках христианской антропологии. Чтобы исследовать подобную претендующую на универсальность и крайне развитую эмную теорию о природе человека и техниках достижения им святости требуется аналитический инструментарий, позволяющий свести универсальность эмной теории к некоторому конкретно-историческому набору факторов. Теория, которая бы претендовала на метаописание других теорий о природе человека, должна быть историчной и неизбежно саморефлексивной. Одним из первых ученых, предложивших рассматривать техники субъективации в диахронической перспективе был Мишель Фуко. Он исследовал генеалогию субъективности в самых разных сообществах: от философских стилей жизни Древней Греции до отделения и конструирования умалишенности в XIX в. Особенную важность для рождения современного западного субъекта Фуко видел в раннехристианских дисциплинарных практиках, которые культивировались прежде всего в монастырях. Именно в то время начала вырабатываться техника, ориентированная на открытие и формулирование истины о себе своему духовному руководителю¹⁷. В дальнейшем эта практика получила широкое распространение в ритуале исповеди, обязательном не только для духовенства, но и для мирян в Средние века. С умением «проговаривать себя» Фуко связывает формирование современной западной субъективности.

Фукианские идеи относительно роли дисциплинарных практик в формировании субъекта и в управлении другими развил антрополог Талал Асад в своем исследовании, посвященном средневековым монашеским орденам¹⁸. Еще более важным для целей моей диссертации оказался другой труд Асада, деконструирующий традиционное разделение между религией и секуляризмом¹⁹. В своей работе он не просто ставит под сомнение нормативность этого разделения, но и анализирует процесс конструирования самого термина религия и ту властную диспозицию в современном и в недавнем колониальном мире, которая оказала решающее влияние на восприятие секуляризма как нормы.

Несмотря на то, что Асад уделял больше внимания государственной политике современных исламских стран, строящейся как на противопоставлении, так и на вписывании себя в западные нормы, некоторые его исследования посвящены микроуровню человеческой субъективности. Анализируя отличия в современном осмыслении боли в западных культурах и понятии страдания в раннехристианское время на примере житий мучеников, Асад вводит крайне важный для моей диссертации термин агентности (agency). В социальных науках под

¹⁶ Историография исследований буддийских монастырей выходит за рамки данного исследования.

¹⁷ Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. No 2. С.65–95.

¹⁸ Asad T. *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993: 125-167.

¹⁹ Asad T. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003.

агентностью понимается способность человека²⁰ действовать независимо, основываясь на свободном выборе согласно своей воле. В европейской секулярной традиции агентность непременно подразумевает склонность и даже обязанность субъекта свергнуть любую власть, подавляющую его. При этом действия индивида трактуются как вызванные его внутренними чувствами и желаниями, недоступными/сокрытыми от других. Эти желания должны родиться где-то в глубине субъекта и, таким образом, быть непременно его собственными, не обусловленными традицией, нормой или тем более прямым принуждением.

Теория агентности предлагает аналитический инструментарий для рассмотрения современной субъектности не в диахронической перспективе, прослеживая генеалогию техник себя, как делает М. Фуко, а компаративистски, сравнивая западную и незападные модели субъективности в терминах агентности, ответственности, свободы воли, свободного выбора, внешней принудительной власти.

Советский секулярный проект имеет как очевидные сходства с западным, так и существенные различия, поскольку в его основе лежала попытка построения социалистического общества. К сожалению, такой конвенциональной модели советского субъекта, какая есть для условного западного, в академических работах нет. Советской субъектностью занималось множество исследователей, среди них И. Халфин, Й. Хелльбек, А. Пинский, А. Юрчак, О. Хархордин²¹. Они выделяют разные аспекты производства субъекта: интериоризацию социалистической идеологии, укоренение идентичности в трудовых практиках, поиск «пространств внеаходимости», бюрократизацию техник открытия истины о себе. С одной стороны, отсутствие классической общепризнанной модели советского/постсоветского субъекта затрудняет компаративистские задачи моей диссертации, с другой – делает возможным тщательное контекстное рассмотрение каждого случая без риска необоснованной генерализации.

Источниковая база исследования

Главным материалом диссертации послужили записи в полевых дневниках. Основаны они на десяти месяцах включенного наблюдения в монастырях РПЦ. Подобная этнография монастырей стала возможной благодаря современной практике обитателей принимать временных трудников. Временные трудники работают за жилье и еду, следуя общему монастырскому распорядку и правилам²².

В Горицком монастыре (Вологодская область) я провела более трех месяцев с 2010 по 2012 г., чуть больше месяца было отдано Николаевской обители (Кировская область) летом 2011 года и в январе 2012 г. В 2011 г. я совершила поездку в Золотоношский монастырь (Черкасская область, Украина). Лето 2012 г. было посвящено Спас-Каменному монастырю (Вологодская область), поездкам с «Реставросом» в Рязанскую область и монастырю в центральной части России²³. Зимой-весну 2013 г. я регулярно ездила в Константино-Еленовский монастырь (Ленинградская область). Завершающую полевую экспедицию – январь, август 2014 г. – я провела в Михаило-Архангельской пустыни (республика Адыгея).

Во всех этих монастырях я проводила интервью, всего было сделано 33 записи со средней длительностью более часа. Тематика интервью различалась в зависимости от специфики

²⁰ Строго говоря, термин «агентность» может применяться и к нечеловеческим акторам, таким как мировой капитализм, национальное государство и т.п., субстантивируя таким образом их существование, см. Wilson J.E. *Subjects and Agents in the History of Imperialism and Resistance // Powers of the Secular Modern: Talal Asad and His Interlocutors* / D. Scott, C. Hirschkind (eds.). Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 180–205.

²¹ Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000; Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009; Pinsky A. *The Diaristic Form and Subjectivity under Khrushchev // Slavic Review*. Vol. 73. No. 4. Winter 2014. P. 805-27; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.

²² Я тоже была включена в монашеское сообщество как временная трудница, однако я всегда дополнительно предупреждала руководство монастыря о своих исследовательских задачах.

²³ Сестры этого монастыря просили не упоминать его.

обители. Беседу я всегда стремилась построить вокруг наиболее острых моментов жизни обители. Так, несмотря на то что все интервью можно назвать фокусированными, для каждого из монастырей я подготовила разные гайды. Наиболее полная выборка была сделана в Горицкой обители, где осенью 2010 г. мне удалось взять интервью у всех насельниц монастыря, кроме настоятельницы, всего у восьми человек. Также с помощью того же гайда были опрошены еще восемь человек, временные трудники обители. Были взяты интервью у двух бывших директоров Кирилло-Белозерского музея-заповедника, в позднесоветское время возглавлявших Горицкий филиал музея, а также у местных жителей, которые начинали в 1990-е годы восстанавливать Воскресенскую церковь, ныне принадлежащую монастырю.

Сходный метод опроса значимых групп по актуальным темам был применен в Николаевском монастыре, где помимо насельниц и представителей православного поселения я интервьюировала местных жителей и паломников. В остальных монастырях были взяты отдельные интервью у некоторых трудников и/или у руководства монастыря.

Для лучшего понимания современного правового и экономического положения монастырей и помещения их в более широкий исторический контекст я использовала материалы Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Вологодского архива новейшей политической истории (ВОАНПИ) и фонды Кирилло-Белозерского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (КБГИАМЗ), а также советскую периодику. Собранная информация лишь косвенно отражена в диссертации, ровно настолько, насколько она помогает в решении поставленных задач.

Научная новизна диссертации

Данная работа ставит необычный исследовательский вопрос — анализ трудностей, возникающих у людей, занимающихся религиозной самотрансформацией, и помещению этих трудностей в контекст религиозно-секулярной проблематики. Насколько мне известно, это первая подобная постановка вопроса, из которой вытекает также важный методологический принцип: религиозность и секулярность субъектов рассматривается не в статике, но в динамике, демонстрируя скорее столкновение разных практик и идеологий в одном и том же субъекте, чем простую дихотомию двух состояний (веры и неверия). Важно, что в большинстве своем, речь идет не о моменте конверсии людей, где динамика перехода кажется более очевидной, но о повседневности, которая, казалось бы, должна демонстрировать устоявшиеся паттерны. Новым является также богатый и скрупулезно собранный этнографический материал о повседневной жизни современных женских монастырей РПЦ с конкретными кейсами, которые, я надеюсь, могут быть использованы в компаративистских целях другими исследователями.

Основные положения, выносимые на защиту:

— ряд современных монастырских практик сложился в результате прочтения святоотеческих текстов, служащих руководством по восстановлению монашества, через призму советского опыта, и таким образом, эти практики не являются ни внеисторическими, ни дореволюционными

— воспроизводство и адаптивность отдельных практик самотрансформации, найденных в христианской традиции, зависит от широко понимаемого экономического и идеологического контекста их возрождения

— популярность практики послушания в современных монастырях связана с экономическими условиями возрождения монастырских комплексов в 1990-е годы, советской высокой оценкой физического труда и сюжетами утопий/антиутопий

— некоторые монашеские практики самотрансформации, особенно такие как выработка смирения, вступают в конфликт с секулярным требованием агентности, что делает эти практики эффективными, но также служит причиной прекращения их исполнения насельницами

— харизматическое лидерство как один из способов управления современными монастырями оказывается формой монашеской практики, противоположной идее о постепенном возрастании в добродетелях. Основой харизматической власти служит активная семиотизация повседневности сторонниками такого лидера.

Теоретическая значимость работы

Главная теоретическая ценность данной диссертации состоит в предложенном методологическом подходе. Рассмотрение техник монастырской субъективации, т.е. практик и интерпретаций, делающих верующего таковым, в компаративистской и диахронной перспективе, с анализом истоков этих практик, позволяет взглянуть на монастыри под новым углом.

Данная диссертация предлагает совмещать эмную и этную перспективу. С одной стороны, религиозная рефлексия самих информантов привлекает внимание исследователя к наиболее актуальным монастырским практикам самотрансформации. С другой стороны, эти практики самотрансформации рассмотрены с учетом исследовательской дистанции к материалу.

Практическая значимость работы

У данной диссертации есть потенциал внести вклад в медиа дискуссию вокруг РПЦ посредством глубоко анализа современной монастырской жизни и прослеживания корней сегодняшних монашеских практик.

Эту диссертацию можно также использовать в рамках курсов по антропологии религии, этнографии религиозных сообществ, религиоведческим дисциплинам в светских вузах. Я бы рекомендовала эту работу и для духовных семинарий и академий РПЦ в целях лучшего понимания проблем и чаяний своей паствы.

Апробация и степень достоверности исследования

Степень достоверности результатов исследования подтверждена триангуляцией данных: соотносением дневниковых записей с материалами, полученными в ходе интервьюирования информантов, и соответствием собственных материалов имеющимся научным публикациям по данной теме.

Выступления на следующих конференциях помогли моему осмыслению жизни православных групп в современном мире: «Десекуляризация постсоветского мира: изобретение религии» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, май 2012), «Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы» (СПГИПСР и СПбДА, СПб, июнь 2013), «Религиозные нормы и религиозные практики: универсальное и локальное в контексте глобализации» (КФУ, Казань, декабрь 2014), «Why Prayer? A Conference on New Directions in the Study of Prayer» (Колумбийский университет, США, февраль 2015), «Writing the Past / Righting Memory» (Майами университет в Огайо, летняя школа в Неаполе, май-июнь 2015), «Christian Monasticism from East to West» (Грацкий университет, Австрия, июнь 2015), «International Workshop: Religion in the Black Sea Region» (Киев, Украина, июль 2015), «Bordering Religions in (Post-) Cold War Worlds» (ВШЭ, Чикагский университет, СПб, июнь 2016), «Public Religion, Ambient Faith. Religion and Politics in the Black Sea Region» (Киев, Украина, сентябрь 2017).

Отдельные части данной диссертации в разное время были представлены на полевых и исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и семинарах центра антропологии религии (2010 - 2014 гг.), а также на семинаре отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН «Кавказ: перекресток культур» (октябрь 2014).

Материалы диссертации были мной использованы в авторском курсе «Антропология религии», прочитанном осенью 2015 г. для бакалавров 4-года обучения по специальности «История» в Кубанском государственном университете, а также в курсе «Экономическая антропология» (зима 2016).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, иллюстраций и списка использованной литературы и источников.

II. Основное содержание работы

Во *Введении* дается общая характеристика работы: ее актуальность, научная новизна, практическая и теоретическая значимость, обзор литературы по теме, ставится исследовательский вопрос и определяются предмет, объект и задачи исследования. Также подробно описана методология полевой работы в замкнутом религиозном сообществе: особенности проведения включенного наблюдения в современных монастырях РПЦ и взятия интервью у монашествующих. Два раздела: *Конструирование верующего как Другого в социальных теориях* и *Конструирование верующего как Другого в феноменологической традиции и теологии* — посвящены рассмотрению вопроса, каким образом в социальных научных теориях и теологии западных стран (а позже и социалистических и постсоциалистических) создавался образ верующего как человека идущего против мейнстрима. В социальных дисциплинах на заре их существования этот образ был окружен негативными коннотациями, поскольку он не соответствовал идее прогрессивного развития общества. Позднее верующие стали описываться как культурно иные. Теологи, феноменологи и религиозные писатели, в свою очередь, поддерживали этот образ верующего как другого, но наделяли его позитивными коннотациями и делали акцент на специфическом виде опыта, доступного только верующим людям. Следующий раздел Введения *Теоретические основы диссертации: техники субъективации в религиозных и секулярных контекстах* посвящен деконструкции этого образа верующего и рассмотрению современных антропологических теорий, предлагающих изучать диспозицию властных отношений и практик самотрансформаций, принятых в разных сообществах. В рамках данных теорий секулярная идеология предстает хоть и доминантной, но далеко не единственной в современном мире и даже не монолитной.

Глава I Постсоветское наполнение аскетических практик анализирует генезис одной из самых популярных техник самотрансформации в современных женских монастырях – выработке добродетели послушания. Послушание, которое часто изображается в богословских и в религиозно-научных трудах как неизменная добродетель, помещается в исторический контекст и в социально-экономические условия возрождения современных монастырей. Приобретение этой добродетели рассматривается в свете выработки необходимой телесности, соответствующей этой добродетели.

Раздел *Особенности восстановления монастырских комплексов* повествуют о росте обителей в конце XIX в., их закрытии во время советской власти и передаче монастырских зданий другим пользователям: от колхозов до музеев. Возрождение монастырских комплексов в 1990-е годы осуществлялось силами энтузиастов в условиях сурового дефицита ресурсов, что способствовало повышению значимости физического труда. Раздел *Практики дисциплинирования тела в монастыре* демонстрирует, что монашеская традиция аскетизма не была однородна. В разные исторические эпохи доминировали те или иные аскетические практики. Например, в современных монастырях более не встретишь популярные в Средневековье практики самоистязания, как-то ношение вериг. В параграфе *Спиритуалистская интерпретация труда* рассматривается роль физического труда как главной дисциплинарной практики в современных обителях. Основным источником этого раздела являются интервью, в которых современные трудники в монастырях интерпретируют свою работу в категориях добродетели послушания. Свой каждодневный физический труд они превращают в практику самотрансформации — послушание. Интерпретацию физического труда как духовного делания я называю спиритуализацией труда. Раздел *Святоотеческие нарративы о послушании и их современные аналоги* анализирует действительно ли современная практика послушания отражает древнюю монашескую традицию. Согласно житийной литературе и патерикам послушание в сословном обществе демонстрировалось или посредством унижения высокостоящего на социальной

лестнице послушающегося, или через нерациональный, видимо бессмысленный труд, например, посадку капусты вверх корнями. Поскольку современная практика послушания делает акцент на рациональном физическом труде до изнеможения, что мало напоминает сословные идеалы выработки этой добродетели, то следующий раздел *Контаминация физического труда и добродетели послушания* ищет истоки сегодняшней интерпретации послушания в позднесоветских трудовых практиках. Эти практики были связаны с техниками субъективации советского человека. Типичные акторы, восстанавливавшие монастырские комплексы в 1990-е годы: организация «Реставрос», отколовшаяся от ВООПИК, и местные энтузиасты воспринимали свой непрофессионализм в реставрационных работах как признак аутентичности возрождаемых церквей. Следующий раздел *Экономический базис современной практики послушания* описывает, почему физический труд до изнеможения, наполненный выборочными идеями из святоотеческих описаний идеального послушания, например, таких как беспрекословное следование словам духовного наставника, оказался удачной основой для современного управления монастырским хозяйством в условиях быстрой сменяемости кадров и невозможности контролировать деятельность людей в течение дня. Раздел основан на этнографических наблюдениях во время моего трудничества в Горицком монастыре. Параграф *Идеальное послушание через роботизацию тела* ищет истоки социального воображения, сделавшего практику послушания одной из самых популярных в современных монастырях. Вероятными источниками сегодняшней интерпретации этой практики являются образы утопий/антиутопий, широко представленные в художественной литературе, кинематографе и современных СМИ. Раздел *Молитвенное делание и практика послушания* обращается к другой ставшей сегодня оппозиционной послушанию практике самотрансформации — молитве. Молитва (имеется в виду прежде всего творение Иисусовой молитвы, мистического направления в христианской традиции) стала особенно популярна среди людей, увлекавшихся медитацией и восточными учениями, то есть тех, кто так или иначе близок к зонтичному понятию Нью-Эйдж движения. Творение Иисусовой молитвы требует времени, уединения и особого положения тела, что плохо совместимо с нынешним монастырским распорядком дня, поделенным между послушаниями и церковными службами. Таким образом, приверженцы молитвенного пути зачастую вынуждены уходить из монастырей и возвращаться к своему прежнему мирскому образу жизни, который, как ни парадоксально это звучит, дает им больше возможностей молиться.

Выводы первой главы еще раз подчеркивают укорененность ряда современных монастырских практик самотрансформации в недавнем советском прошлом в пику внеисторической или дореволюционной риторике происхождения этих практик.

Глава II Секулярный человек и религиозные практики самотрансформации рассматривает одну из самых актуальных проблем уже современной религиозной жизни: выработку добродетели смирения. Добродетель смирения нарушает основной постулат секулярной идеологии в том, как концептуализируется агентность человека. Согласно секулярной идеологии, конечная истина о человеке содержится в нем самом, в его глубинных желаниях, следовать им есть проявление агентности, т.е. способности к действию. Любая власть, которая препятствует этому, должна быть свергнута. Однако выработка христианской добродетели смирения нуждается как раз в противоположных условиях — в подчинении своей воли другому человеку и в возможных унижениях, которые это подчинение влечет за собой. Тому, как современные монашествующие совмещают эти две перспективы: секулярную (из своей прежней светской жизни) и новую монастырскую, посвящена вторая глава. Раздел *Теоретические разработки понятия агентности* описывает трудности концептуализации таких практик, как выработка смирения. Многие социальные исследователи готовы объяснять подобные практики самотрансформации, противоречащие секулярному пониманию человека, через внешние экономические и социальные причины. Если же сделать акцент на эмном взгляде и прислушаться к тому, что действительно говорят информанты, то окажется зачастую, что они добровольно подвергли себя практикам, несущим им унижение, поскольку через это унижение они рассчитывают получить другие блага, например, достижение рая (в христианской традиции).

Параграф *Практика смирения в православном монастыре* исследует конкретный кейс, этнографические материалы о выработке смирения в одном из монастырей центральной части России. Практика этой добродетели заключается в основном в постоянных упреках и указаниях на греховность сестер со стороны настоятельницы. Поводом к такому обличению может стать, например, нестрогое следование рецепту во время приготовления пищи. Согласно святоотеческому учению негативная эмоциональная реакция на обличение выявляет скрытую страсть (грех, которому человек подвержен более всего), после чего над обнаруженной страстью можно работать. Дополнительный эффект от подобного обличения в грехах состоит в выработке смирения. Следующий раздел *Временное измерение агентности* помещает эту идеальную схему выработки смирения и исправления скрытой страсти во временной контекст. В святоотеческой литературе (Лествица, труды Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника²⁴) говорится о постепенном и поэтапном духовном возрастании и приобретении добродетелей. Сейчас принципы подобного тренинга знакомы любому человеку: постепенное приращение знаний/умений лежит в основе всех образовательных систем. Генезис этих принципов и их распространение в Новое время описал М. Фуко в своем анализе тоталитарных институтов²⁵. Многие из тех, кто уходит сегодня в монастырь, рассчитывают именно на подобную образовательную систему, которая даст им возможность преуспеть в добродетелях. Однако один из парадоксов христианства гласит, что чем ближе человек к святости, тем более греховным он себя ощущает, поэтому лестничное возрастание в добродетелях в принципе не может работать в монастыре: человек не имеет критериев, чтобы оценить свой успех в приобретении добродетелей. Современная практика выработки смирения по структуре является не постепенным приращением добродетели, а рекурсией одних и тех же состояний: эмоционального спада от упреков настоятельницы и последующего эмоционального подъема от интерпретации этого события как собственного исправления. В *Выводах* речь идет о потенциальной длительности веры человека в такую рекурсивную технику на фоне большого количества людей, покидающих монастыри. Практика выработки смирения также демонстрирует, что религиозная и секулярная перспективы в ряде практик самотрансформации смешиваются: хотя целью является приобретение добродетели, но в качестве методов используются хорошо знакомые со школы принципы постепенного приращения знаний.

Глава III Харизматическая власть: свобода и ответственность в повседневной жизни со святым продолжает тему религиозной агентности. Она анализирует ситуацию в сообществе, которое не концептуализирует духовную жизнь в терминах самотрансформации, но считает личное спасение результатом заступничества старца, наделяемого сверхчеловеческими способностями. Эта глава концентрируется на ревизии антропологических теорий власти. *Историография понятия харизматической власти* обращается к теории легитимации М. Вебера и ее внутренней некогерентности²⁶, позволившей последователям трактовать харизму либо как персональные свойства лидера, либо как конструктивистские действия толпы, приписывающие лидеру харизматические качества. На российском материале рассматривается историография старчества как наиболее яркого примера харизматической власти в православной традиции.

Раздел *Экономический контекст образования Никольского монастыря* описывает условия существования сельской глубинки в центральной и северо-западной России, которую экономический кризис 90-х годов поставил на грань выживания. Эти условия благоприятствовали превращению одного села в Кировской области в православное поселение, собранное вокруг старца. *Харизматический лидер и его окружение* рассказывает биографию о. Саввы,

²⁴ Преподобного отца нашего Иоанна игумена горы Синайской Лествица. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 1998; Святитель Игнатий Брянчанинов. Жизнеописание. Аскетические опыты. Книга первая. М.: Благовест, 2011 (1886); Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению: краткий очерк христианской аскетики. М.: Благовест, 2001 (1869).

²⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. Ad Marginem 1999 (1975).

²⁶ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* / Ed. by G. Roth, C. Wittch, with a new foreword by G. Roth. In 2 vols. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1978 (1922).

почитаемого как старца его последователями. Также раздел повествует о различных группах, которые образуют православное поселение вокруг монастыря: от социально благополучных городских жителей, бежавших в деревню в надежде спастись при старце во время будущего конца света, до бывших заключенных и алкозависимых, которым больше некуда пойти. Раздел *Сотериология и власть в Николаевском* анализирует как представления о практиках достижения спасения влияют на властную диспозицию в сообществе. Отсутствие идеи духовного роста, убежденность, что спастись можно только через заступничество старца, и постоянное ожидание близкого конца света ведет к снятию ответственности с человека как в духовной, так и в экономической и социальной сфере. На практике эти идеи приводят к тому, что о. Савва становится уже не только духовным наставником, но и лидером, ответственным за экономическое благополучие села. *Интерпретирующая коммуникация с харизматическим лидером* рассматривает конкретный механизм реализации харизматической власти посредством повседневной коммуникации в православном поселении. Антропологические теории, фокусирующиеся на общении людей с нечеловеческими акторами, и теории прагматики речи являются теоретическим фреймом данного раздела. Поскольку старец не совсем человек, он провидит будущее и может предсказать/предотвратить его в настоящем, коммуникация с ним не похожа на обычную «здесь и сейчас» интеракцию. Она учитывает необходимый временной сдвиг для понимания слов старца, которые, тем самым служат источником для постоянной интерпретации его паствой. Часто слова старца изымаются из контекста и обрастают иными религиозно значимыми для православного поселения коннотациями. Активное интерпретирование является едва ли не единственным ресурсом в данной среде для установления статусной иерархии. Эта особенность интеракции вместе с поиском знаков приближения конца света способствует сверхсемиотизации коммуникативной сферы в православном поселении.

В *Выводах* подчеркиваются достоинства и ограничения предложенного подхода к харизматической власти как коммуникации с нечеловеческим актором. Также описываются некоторые другие кейсы, в частности те, где харизматическое лидерство осуществлялось в секулярном контексте, и демонстрируется сходство и отличие их коммуникативных моделей.

В *Заключении* подводятся выводы о современных техниках самотрансформации в монастырях РПЦ и предлагается рефлексия на тему религиозной/секулярной дихотомии и ее проблемных зон. Большинство современных обитателей в центральной и северо-западной России получили в наследство дореволюционные монастырские комплексы, частично разрушенные и перестроенные за советский период. Восстановление этих комплексов требовало огромных трудовых усилий, которые со временем стали спиритуализироваться. Послушание, объединяющее физический труд и добродетель и воспринятое через социальное воображение роботизированного тела, стало наиболее востребованной духовной практикой самотрансформации в современных монастырях. Практика молитвы, в свою очередь, нашла себе приверженцев среди позднесоветской интеллигенции, увлеченной идеями личностного роста посредством активизации внутренних и внешних энергетических потоков. Таким образом, актуализация именно практик послушания и молитвы и их наполнение новыми смыслами отражает конкретную историческую эпоху, в которую они были возвращены в отстраивающиеся монастыри. А облик современных обитателей был определен прочтением христианской традиции через призму позднесоветского опыта насельниц.

Меня интересовал не только генезис современных монашеских практик, но и их потенциал. Концепции агентности говорят о субъекте, сопротивляющемся или подчиняющемся внешней власти (например, игуменье, а через нее христианской традиции смирения), но в современном мире важно учитывать непостоянство этих векторов агентности. Человек может начать с монастырских практик смирения, отказаться от них, но вернуться не к секулярному проекту субъекта, а обратиться к исихастской традиции Иисусовой молитвы. Исихазм подразумевает активную деятельность субъекта на начальных этапах практики, но затем агентность переходит к самой молитве (в конечном итоге к Богу), которая и меняет человека изнутри. Антропологические теории предпочитают иметь дело только с одним типом агентности и с

неизменным субъектом. В лучшем случае исследователи обращают внимание на процесс конверсии — перехода из одной идеологии в другую. Я предлагаю обращать внимание на потенциал практик самотрансформации, их возможность или невозможность вписаться в другие более глобальные истории и, таким образом, оказаться востребованными в изменившихся социально-экономических условиях.

Харизматическая власть старца оказывается плохо совместима с идеями внутреннего духовного роста в добродетелях и практиках, ведущих к этому росту. Такие практики, как послушание и молитва, довольно хорошо подходят для атомизированного сообщества, где каждый занят прежде всего своим спасением. Построение сообщества на основе представлений о духовной и экономической ответственности одного, наделенного особыми дарами человека, ведет к тому, что остальной группе приходится неустанно поддерживать свою веру в этого человека. Одним из ресурсов для укрепления этой веры является постоянное интерпретирование сообществом всех действий такого лидера как духовно значимых. В конечном итоге, подобные интерпретирования становятся возможными, поскольку сам лидер — старец — меняет временную структуру сообщества: если монашествующим, избравшим добродетель послушания, предстоит долгий путь постепенного возрастания, то последователи старца уже спасены пока они при нем, в этом смысле, посмертное будущее для них уже свершилось.

Современные монашеские практики бросают вызов привычным секулярным по многим пунктам: линейность времени, власть и личная ответственность, техники самотрансформации и агентность. Однако сами монашеские практики также неоднородны и порой отличаются друг от друга более, чем от секулярных норм. Именно поэтому я полагаю, что изучение множественности практик самотрансформаций и их сочетаемости с господствующими идеологиями является более плодотворной теоретической оптикой, чем разделение на секулярные и религиозные модели жизни.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

В рецензируемых журналах, включенных в список ВАК РФ:

1. Забытое время, или Практики самотрансформации в современном православном монастыре // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 322-344²⁷.
2. Ловушки «поворота к материальному» для антропологии религии // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 215-221.
3. Рецензия на книгу Stefania Palmisano. Exploring New Monastic Communities. The (Re)Invention of Tradition. Farnham, Surrey, England: Burlington: Ashgate, 2015 // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4 (34). С. 265 - 270.
4. Антропология как кривое зеркало / Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 21-25.
5. Сила слова старца: механизм осуществления харизматической власти // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 37-64.
6. Антропология религии / Форум: Антропология религии (1) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 74-77.

В других научных изданиях:

1. Временные трудники в современных женских монастырях: социальное служение или экономическая необходимость? // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб.: СПбГИПСР, 2013. С. 156–162.

²⁷ Данная статья включена в реферативную базу данных Scopus.

2. Послушание как физический труд и как добродетель: семиотическое насыщение производства в современных монастырях РПЦ // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском обществе / Науч. ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 63-81.
3. The Snares of the 'Material Turn' for the Anthropology of Religion: A Review of Amy Whitehead. *Religious Statues and Personhood: Testing the Role of Materiality*. London; New York: Bloomsbury, 2013 // *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. No. 11. P. 231-236.
4. Forgotten time, or Techniques of Self-Transformation in Contemporary Russian Orthodox Convents // *State, Religion and Church*, 2016, No. 3 (1). P. 6-25.
5. *Struggling Bodies at the Crossroads of Economy and Tradition: the Case of Contemporary Russian Convents* // *Praying with the Senses: Contemporary Eastern Orthodox Spirituality in Practice* / ed. by Sonja Luehrmann. Indiana: Indiana University Press. P. 192-211 (in print).